

УДК 94(47).08(=16)

**Словаки в России в годы Первой мировой и Гражданской войн
(состояние историографии и проблемы исследований)****Е. П. Серапионова**

В статье анализируется состояние историографии вопроса, сравнивается изучение темы «Чехи в России» и «Словаки в России», делается вывод о том, что эмиграция словаков в Россию, в отличие, скажем, от эмиграции в США, к сожалению, не получила как в словацкой, так и в российской историографии достойного отражения. Обозначены дискуссионные моменты в изучении данной темы. Рассмотрена предыстория вопроса, показаны истоки формирования словацкой колонии в России, отмечена важность периода Первой мировой войны для словацкой истории, когда разрабатывались основные концепции обретения словаками независимости. Движение за обретение национальной независимости в силу специфических условий военного времени получило наибольшее развитие за границей, в том числе в России, где шла борьба между представителями различных политических направлений и ориентаций. Идея совместного государственного объединения с чехами нашла отражение в создании общих органов руководства чешскими и словацкими обществами, формирования из Чешской дружины Чешско-словацкого корпуса. В статье отмечаются сложности с привлечением словаков в чехословацкие добровольческие части для борьбы на стороне Антанты, рассматриваются причины этого явления. В статье обозначены и наиболее популярные сюжеты указанной тематики. В первую очередь, значительный интерес в последние годы стала вызывать тема военнопленных Первой мировой войны, условий их содержания. В российской историографии появилось несколько работ о военнопленных чехах и словаках, в том числе написанных на документах и материалах местных архивов. На основе новых архивных и опубликованных документов намечены перспективы дальнейших исследований: уточнение численности словаков в легионах, отношения между чехами и словаками в воинских формированиях, принципы построения легионов и принятия командного языка. Представляется интересным проследить выработку концепции «чехословакизма» и отношение к ней чешских и словацких политических и военных деятелей, а также восприятие чехами и словаками России, ее действительной роли в обретении этими народами независимости.

Ключевые слова: Словаки, Первая мировая война, Россия, чехословацкие легионеры, Гражданская война.

Благодарность: статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-01-14040.

Для цитирования: Серапионова Е. П. Словаки в России в годы Первой мировой и Гражданской войн (состояние историографии и проблемы исследований) // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 79–86.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-79-86

«Словаки за рубежом» (особенно за океаном) – тема весьма популярная, но «Словаки в России», увы, мало привлекала внимание исследователей. Интересно,

что сюжеты, связанные с чешской колонией в России до и в годы Первой мировой войны, разработаны хотя и фрагментарно, но гораздо в большей степени. Конечно, это можно отчасти объяснить различной численностью чехов и словаков в России. В литературе называются цифры – до Первой мировой войны в России проживало 100 тыс. чехов и 2 тыс. словаков¹. Однако эти данные требуют дополнительного уточнения.

К тому же уже в начале XX в. в Праге был создан специальный орган, ставивший своей целью поддержание связей с земляками за рубежом, – Национальный совет чешский (NRČ, НСЧ). Его архивные фонды до сих пор являются прекрасными источниками для исследователей зарубежных чешских диаспор [1]. У словаков подобного органа не было. Матица словацкая, появившаяся в Мартине в 1863 г. и в какой-то степени занимавшаяся и занимающаяся сейчас этими вопросами, в 1875 г. была закрыта и вновь возобновила свою деятельность лишь в 1919 г., уже после образования чехословацкого государства. В условиях существования самостоятельного чехословацкого государства НСЧ был переименован в Чехословацкий национальный совет и стал изучать и поддерживать связи и со словаками, проживавшими за рубежом. Но и до 1918 года он частично курировал словаков.

Период Первой мировой войны чрезвычайно важен для последующей истории чехов и словаков, так как в результате нее эти народы обрели государственную независимость в единой Чехословацкой республике. Причем не последнюю роль в формировании положительного отношения союзников к идее чехословацкой государственной самостоятельности сыграли чехословацкие легионеры в России.

Но вернемся немного назад и постараемся ответить на вопросы о том, как и когда словаки попали в Россию. Привести точные данные, сколько их было в России накануне войны, довольно трудно; с одной стороны, потому что в российской переписи 1897 г. чехи и словаки учитывались вместе, а с другой – потому что многие словаки не оседали на одном месте, а переезжали, как в силу своей профессиональной деятельности (торговцы, ремесленники), так в поисках хорошего места работы. Именно поэтому их сложно было точно подсчитать. Тем не менее некоторые историки полагают, что цифра 2 тыс. не отвечает реальности, и на самом деле словаков в России было в несколько раз больше, поэтому можно сказать, что этот вопрос остается дискуссионным.

Активно осваивать Россию словаки стали в XVIII в., со времен Петра I. Уже к середине XIX столетия в разных российских городах и сельской местности сложились колонии выходцев из чешских земель и Словакии, но лишь со второй половины XIX в. их эмиграция в Россию резко усилилась. В 1860-х годах этот процесс пошел еще быстрее и приобрел массовый характер, что связано с общим увеличением числа эмигрантов. Основной поток словаков шел за океан, в США и Канаду. По сведениям американской иммиграционной службы, за период 1899–1913 гг., первое место среди эмигрантов из Венгерского Королевства занимали словаки (26,5 %) [3, с. 78]. Но затем они стали обращать внимание и на Россию. Развитие словацко-русских контактов не было случайным. Быстро развивавшаяся российская экономика второй половины XIX в. требовала высокопрофессиональных кадров. В то же время стала развиваться славистика, завязывались новые связи российских и зарубежных ученых и преподавателей, активизировались

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. С. 14–15.

контакты между ними. Предприниматели оценили огромный российский рынок, стремясь найти свою нишу в нем. Словацкий ученый Р. Голец в одной из статей привел выдержки из письма предпринимателя Ф. Бениача В. Маковицкому накануне войны: «Я просил бы вас понять, что Россия – это огромный и богатый край, где можно еще заработать так, как нигде на Западе... поверь мне, что это не фантазии, как и то, что только в одном Киеве мне удалось заработать с 1 миллиона крон оборотного капитала 2 миллиона крон ежегодно» [2, с. 35]. В Россию словаки ехали учиться, работать и зарабатывать. На рубеже XIX и XX вв. в России обосновались уже несколько тысяч словаков.

В историографии вопрос о словаках в Российской империи разработан очень обрывочно и в основном касательно лишь определенных социальных слоев – скажем, предпринимателей [2, с. 29–36; 3, с. 83–91], учителей [4, с. 259–260]; отдельных областей – Северный Кавказ, Причерноморье [5, с. 91–99], Крым, Украина [6], и ряд других [7, с. 219–223]. Рассматривались и некоторые личности (например, личный врач Л. Н. Толстого Душан Маковицкий)¹, достаточно большая литература существует о М. Р. Штефанике, и в частности о его поездках в Россию [8].

После начала Первой мировой войны «русские» словаки вместе с чехами выступили на стороне России против Австро-Венгрии и Германии. В литературе можно встретить утверждение, что именно чехи начали национально-освободительную борьбу в России, а словаки якобы присоединились к ним позже, так как действительно в документах начала войны речь шла исключительно о чешском движении, чешских частях, чешских добровольцах, чешских обществах и тому подобное [9, с. 52–65]. Но уже на второй аудиенции у императора Николая II 4 сентября 1914 г. присутствовал уполномоченный Варшавского общества словаков Йозеф Мирослав Ораг, один из первых словаков, записавшихся добровольцем в Чешскую дружину. И обращение депутации к российскому императору звучало от лица русских чехов и словаков [9, с. 65]. В нем говорилось о чешско-словенском (чешско-словацком) народе, освобождении от немецкого и мадьярского ига и единении всех славян [9, с. 65–66].

Идея чехословакизма, общего государства и единой нации стала завоевывать умы чешских и словацких политиков еще до войны, а в годы войны обрела свои реальные очертания в Кливлендском (22 октября 1915 г.) и Питсбургском (30 мая 1918 г.) соглашениях, подписанных чехами и словаками в США, а также в развитии чехословацкого освободительного движения за рубежом. В зарождении этой идеи немалую роль сыграла мысль о том, что вместе чехи и словаки составляли бы в Центральной Европе уже значительную силу – 10 млн.

В России деятели чехословацкого сопротивления также обдумывали будущее двух народов, разрабатывали различные варианты государственного устройства после войны. В Меморандуме об освобождении чешского народа Россией, принятом на общем совещании представителей чешских обществ Москвы, Петрограда, Киева и Варшавы в сентябре 1914 г., указывалось, что «самостоятельное» государство в составе Чехии, Моравии, Силезии и Словакии «образует мост через Силезию славянской преемственности к Польше и России, а через Словакию мост к южным славянским территориям» [9, с. 76].

¹ Надоська В. Национальные меньшинства на Волыни (середина XIX в. – нач. XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Луцк, 1996.

Наряду с теми, кто мечтал о чехословацком государстве, среди словаков были приверженцы вхождения Словакии в состав Российской империи, а также сторонники самостоятельности словацкого народа [10, л. 44]. В вышецитируемом Меморандуме описывались границы земель Чешской короны, при этом отмечалось, что словацкий народ признается «как культурно и этнографически самостоятельная ветвь славянского племени», а посему даже та часть словацких земель, которая вклинивается в границы короны св. Вацлава, должна быть исключена из ее границ и «присоединена к политической единице Словакии» [9, с. 77]. Что касается плана включения Словакии как провинции в состав Российской империи, то даже специалисты российского МИД не видели в этом разумного зерна. Так, императорский консул в Праге В. Г. Жуковский в записке от 10 октября 1914 г. писал, что «для России Словакия была бы лишней окраиной, требующей расходов. Гораздо выгоднее усилить ядро чешское, соединив с ним Словакию» [9, с. 97]. Но и большинство тех, кто выступал за совместное чехословацкое государство, видели его построенным на федеративных началах, языковом равноправии и с наличием собственных словацких государственных органов. В том же Меморандуме говорилось о «внутриполитическом самоуправлении Словакии и ее династическом, военном и экономическом союзе с Чешским королевством» [9, с. 78].

Еще один вопрос, который остается дискуссионным, это вопрос о том, как сражались словаки на Восточном фронте, всегда ли они добровольно сдавались в плен, почему их количество в чехословацких легионах оставалось не таким уж большим вплоть до 1917 года. Вероятно, этому есть ряд объяснений. В период работы в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) удалось обнаружить документ, в котором разрешение российского Верховного командования на включение пленных словаков (на тех же условиях, что и чехов) в чехословацкие добровольческие части было дано чуть позже (весной 1915 г., тогда как для чехов такое разрешение действовало с осени-зимы 1914 г.)¹.

Кроме того, в донесении начальнику штаба Верховного главнокомандующего от 27 апреля 1915 г. утверждалось, что, по свидетельству участников боев, «австро-венгерские войска, в том числе чехи и словаки, сдаются в плен лишь тогда, когда все средства сопротивления исчерпаны»², что в значительной мере противоречит множеству опубликованных воспоминаний о якобы сплошном русофильстве чехов и словаков и их мечтах попасть (сдаться) в плен [12, с. 7]. Вероятно, все-таки правы те исследователи, которые утверждают, что мадьярский патриотизм, верность присяге у словаков были сильнее, чем австрийский патриотизм чехов. Сейчас в Чехии и в Словакии издаются дневники и мемуары пленных и легионеров, в связи с этим встает вопрос можно ли воспринимать эти свидетельства как надежные документальные подтверждения тех либо иных тезисов, либо это всего лишь субъективные впечатления отдельных людей³.

Очень мало сведений в литературе об отношениях между собой чехов и словаков в чехословацких легионах, хотя легионерская тематика весьма раскручена и продолжает вызывать большой интерес. Есть лишь отдельные упоминания

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323(3). Л. 169 об.

² Там же. Л. 157 об.

³ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы Т. 1. М., 2013.

о том, что кое-какие противоречия все же существовали, в частности в вопросе о командном языке, о принципе формирования частей – создавать ли отдельные словацкие подразделения или зачислять словаков в чешские части и др.¹

Еще одно обстоятельство, которое необходимо подчеркнуть в связи с темой военных добровольцев (легионеров). Если в социалистический период акцент делался на левых, интернационалистах, участвовавших в Гражданской войне на стороне большевиков, то теперь о них вообще не принято упоминать, хотя история должна изучаться объективно во всех своих проявлениях. В историографии на разных этапах по-разному трактовался вопрос о роли России в решении «чехословацкого вопроса», что свидетельствует о значительной политизации этого вопроса.

Соотношение между русскими чехами и словаками и чехами и словаками-военнопленными в ходе войны менялось в пользу вторых. Именно представители военнопленных со временем стали играть решающую роль в чехословацком национальном движении в России, ограничив влияние русской колонии чехов и словаков и созданного ею в конце 1914 г. Союза чешских обществ в России, который на съезде в Москве в марте 1915 г. был преобразован в Союз чехословацких обществ [14, с. 160]. Чехословацкое движение в мае 1917 г. подчинилось парижскому руководству ЧСНС, филиал которого был создан в России. Произошло это во многом благодаря деятельности приехавшего в Россию М. Р. Штефаника.

В последнее время огромный интерес вызывает тема военнопленных, условий их содержания. Сошлемся на статью, подготовленную на местных архивных материалах Г. В. Рокиной [10]. Документальные данные о лагерях пленных достаточно противоречивые, что вызывает иногда появление категорических, но не вполне верных суждений в литературе. Так, утверждается, что условия содержания военнопленных-славян были весьма тяжелые и отношение к ним ничем не отличалось от отношения к венграм и немцам. Но существующие документы свидетельствуют о том, что уже 22 октября 1914 г. последовало распоряжение о льготах и льготных мероприятиях в отношении военнопленных славянских национальностей. В частности, они подлежали размещению отдельно «от мест расквартирования германцев, австро-немцев и прочего враждебного России элемента пленных», предоставлять им по возможности лучшие помещения, в смысле тепла и обстановки, снабжать лучшей одеждой и пищей, применять более мягкий режим, возможность широко пользоваться отпусками, освобождать от привлечения к государственным и общественным работам, а в случае их желания работать, назначать на работы наиболее легкого и интересного для них характера, сообразуясь со специальностью или склонностью» [9, с. 100]. Конечно же, не надо обольщаться, что это предписание повсеместно и полностью выполнялось.

Еще менее разработана тема повседневной жизни русских словаков в годы войны, их профессиональной (предпринимательской) деятельности, хотя отдельные работы, в которых говорится и о чехах, и о словаках, в последние годы стали появляться. В частности, появилось несколько работ о повседневном быте и культурном досуге легионеров [17, с. 607–639].

В заключение следует отметить, что, несмотря на вековой опыт исследований, тема «Словаки в России в годы Первой мировой войны» еще требует

¹ Dudeková G. Zajatci v prvej svetovej vojne, Význam a miesto memoárov vo výzume // Paměti a vzpomínky jako historický pramen / Ed. Sekzrková M. Praha, 2006.

дополнительных усилий, прежде всего словацких и российских историков, для всестороннего изучения.

Список литературы

1. Ваха Д. Досуг чехословацких легионеров в России и на пути домой в 1919–1920 гг. // *Rossica* 2012. Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике. Прага, 2012. С. 55–87.
2. Голец Р. Словацкие предприниматели в России накануне Первой мировой войны // *Мифы – стереотипы – образы. Восприятие России в Словакии*. Братислава; Йошкар-Ола, 2010.
3. Даниш М. Участие словаков в чехословацких легионах Первой мировой войны // *Запад – Восток*. 2014. № 7. С. 37–38.
4. Желички Б. Й., Желичка Ч. Б. Венгерские эмиграционные волны и эмигранты. Середина XIX – конец 50-х годов XX века. М., 2012.
5. Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и «проданный» корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М., 1965.
6. Матвеев О. В. Некоторые итоги и перспективы изучения культуры славянского населения Кубани и Черноморья // *Славяноведение*. 2013. № 1.
7. Милан Растислав Штефаник. Новый взгляд. Мартин, 2001.
8. Птицын А. Н. Венгерские переселенцы в Российской империи // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2013. № 8.
9. Птицын А. Н. Предприниматели из австро-венгерских земель в России (XIX – начало XX века) // *Славяноведение*. 2010. № 1.
10. Рокина Г. В. Австро-венгерские пленные Первой мировой войны в уездных городах Казанской губернии // *Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки»*. 2017. № 1 (9). С. 12–22.
11. Рокина Г. В. Словацкое толстовство: Д. Маковицкий и Л. Н. Толстой // *Британская ойкумена российской новистики: к 70-летию проф. И. И. Шарифжанова*. Казань: Изд-во Казанского (Приволжского) фед. ун-га, 2010. С. 315–325.
12. Филюта Н. М. Чешский и словацкий этносы в истории Беларуси (XIX – начало XXI в.) // *Этнокультурное развитие Беларуси в XIX – начале XXI в.: материалы междунар. науч.-практ. конф.* / редкол.: Т. А. Новгородский (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2011.
13. Dudeková G. Zajatci v prvej svetovej vojne, Význam a miesto memoárov vo význame // *Pamäti a vzpomínky jako historický pramen* / Ed. Sekzrková M. Praha, 2006.
14. Gacek M. Sibirské zápisky 1915–1920. Bratislava, 1936.
15. Kautský E. K. Kauza Štefánik: legendy, fakty a otázky okolo vzniku Česko-Slovenskej republiky. Martin, 2004.
16. Kováč D. Milan Rastislav Štefánik. Budmerice, 1997.
17. Vácha D. Teplušky a ešelony československých legiónářů na cestě napříč Ruskem // *Soudobé dějiny*. 2008. Č. 3–4.
18. Vrábel F. Milan Rastislav Štefánik a hlasistické hnutie // *Slovanský přehled*. 2012. № 1–2, s. 42–47.

Поступила 26.09.2017; принята к публикации 26.10.2017



Серापionoва Елена Павловна, доктор исторических наук, доцент, зав. отделом истории славянских народов периода мировых войн, Институт славяноведения РАН, г. Москва, *serapionova@mail.ru*

**SLOVAKS IN RUSSIA DURING THE FIRST WORLD WAR AND THE CIVIL WAR
(STATE OF HISTORIOGRAPHY AND RESEARCH PROBLEMS)**

E. P. Serapionova

The article analyzes the state of the historiography of the issue, compares the study of the topic “The Czechs In Russia” and “The Slovaks In Russia”, concludes that, unfortunately, emigration to Russia, unlike, say, emigration to the United States, unfortunately, and in the Russian historiography of worthy reflection. Discussion points in its study are indicated. The prehistory of the issue is considered, the origins of the formation of the Slovak colony In Russia are shown, the importance of the First World War period for the Slovak history was noted, when the basic concepts of independence for the Slovaks were developed. The movement for gaining national independence due to specific wartime conditions received the greatest development abroad, including In Russia, where there was a struggle between representatives of various political trends and orientations. The idea of a joint state association with the Czechs was reflected in the creation of joint bodies of leadership of Czech and Slovak societies, the formation of the Czech-Slovak corps from the Czech team. The article notes the difficulties in attracting Slovaks to the Czechoslovak volunteer units for the struggle on the side of the Entente, and the reasons for this phenomenon are considered. The article also identifies the most popular subjects of this topic. First and foremost, the theme of prisoners of war of the First World War, conditions of their maintenance began to cause considerable interest in recent years. In Russian historiography, several works on prisoners of war of Czechs and Slovaks appeared, including those written on documents and materials of local archives. On the basis of new archival and published documents, prospects for further research are outlined: the number of Slovaks in the legions, the relations between Czechs and Slovaks in military formations, the principles of building legions and the adoption of command language. It seems interesting to trace the development of the concept of “Czechoslovakism” and the attitude of Czech and Slovak political and military figures to it, as well as the perception of Czechs and Slovaks of Russia, its real role in gaining these peoples independence.

Keywords: Slovaks, World War I, Russia, Czechoslovak legionaries, Civil war.

Acknowledgements: the article was prepared as part of the project of the Russian State Humanitarian Fund № 16-01-14040.

Citation for an article: Serapionova E. P. Slovak In Russia in the First world and Civil war (state of historiography and problems of research). West – East. 2017, no. 10, pp. 79–86. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-79-86

References

1. Vakha D. Dosug chekhoslovatskikh legionerov v Rossii i na puti domoi v 1919–1920 gg. [Leisure of Czechoslovak legionaries in Russia and on the way home in the years 1919–1920]. *Rossica 2012. Nauchnye issledovaniya po rusistike, ukrainistike i belorusistike* = *Rossica 2012. Scientific research in Russian, Ukrainian Studies and Belarusian Studies*, Prague, 2012, pp. 55–87. (In Russ.).
2. Golets R. Slovatskie predprinimateli v Rossii nakanune Pervoi mirovoi voyny [Slovak entrepreneurs in Russia on the eve of the First World War]. *Mify – stereotipy – obrazy. Vospriyatie Rossii v Slovakii* = *Myths-stereotypes-images. Perception of Russia in Slovakia*, Bratislava; Ioshkar-Ola, 2010. (In Russ.).
3. Danish M. Uchastie slovakov v chekhoslovatskikh legionakh Pervoi mirovoi voyny [Participation of Slovaks in the Czechoslovak Legions of the First World War]. *Zapad – Vostok = West – East*, 2014, no. 7, pp. 37–38. (In Russ.).

4. Zhelitski B. I., Zhelitska Ch. B. Vengerskie emigratsionnye volny i emigranty. Seredina XIX – konets 50-kh godov XX veka [Hungarian emigration waves and emigrants. Mid XIX – the end of the 50-ies of the twentieth century]. Moskow, 2012. (In Russ.).
5. Klevanskii A. Kh. Chekhoslovatskie internatsionalisty i «prodannii» korpus. Chekhoslovatskie politicheskie organizatsii i voinskie formirovaniya v Rossii. 1914–1921 gg. [Czechoslovak internationalists and the “sold” corps. Czechoslovak political organizations and military formations in Russia. 1914–1921]. Moskow, 1965. (In Russ.).
6. Matveev O. V. Nekotorye itogi i perspektivy izucheniya kul'tury slavyanskogo naseleniya Kubani i Chernomor'ya [Some results and prospects of studying the culture of the Slavic population of the Kuban and the Black Sea region]. *Slavyanovedenie* = Slavic Studies, 2013, no. 1. (In Russ.).
7. Milan Rastislav Shtefanik. Novyi vzglyad [Milan Rastislav Stefanik. A New Look]. Martin, 2001. (In Russ.).
8. Ptitsyn A. N. Vengerskie pereselentsy v Rossiiskoi imperii [Hungarian immigrants in the Russian Empire]. *Slavyanskii mir v tret'em tysyacheletii* = Slavic world in the third millennium, 2013, no. 8. (In Russ.).
9. Ptitsyn A. N. Predprinimateli iz avstro-vengerskikh zemel' v Rossii (XIX – nachalo XX veka) [Entrepreneurs from the Austro-Hungarian lands in Russia (XIX - the beginning of the twentieth century)]. *Slavyanovedenie* = Slavic Studies, 2010, no. 1. (In Russ.).
10. Rokina G. V. Avstro-vengerskie plennye Pervoi mirovoi voiny v uездnykh gorodakh Ka-zanskoi gubernii [Avro-Hungarian prisoners of the First World War in the county towns of the Kazan province]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki* = Vestnik of the Mari State University. Chapter “History. Law”, 2017, no 1 (9), pp. 12–22. (In Russ.).
11. Rokina G. V. Slovatskoe tolstovstvo: D. Makovetskii i L. N. Tolstoi [Slovak Thickness: D. Makovetskyi L. N. Tolstoy]. *Britanskaya oi-kumena rossiiskoi novistiki: k 70-letiyu prof. I. I. Sharifzhanova* = British oikoumena Russian nouveau: to the 70th anniversary of prof. I. I. Sharifzhanova, Kazan': Izd-vo Kazan-skogo (Privolzhskogo) fed. un-ta, 2010, pp. 315–325. (In Russ.).
12. Filyuta N. M. Cheshskii i slovatskii etnosy v istorii Belarusi (XIX – nachalo XXI v.) [Czech and Slovak ethnoses in the history of Belarus (XIX – beginning of the XXI century)]. *Etnokul'turnoe razvitie Belarusi v XIX – nachale XXI v.: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* = Ethnocultural development of Belarus in the XIX – beginning of the XXI century: materials of the international. scientific-practical. conf., ed. by T. A. Novogrodskii (otv. red.) [i dr.]. Minsk, 2011. (In Russ.).
13. Dudeková G. Zajatci v prvej svetovej vojne, Význam a miesto memoárov vo výzku-me [Prisoners in World War I, Importance and Place of Memoirs in the Quest]. *Paměti a vzpomínky jako historický pramen* = Memories and memories as a historical source, ed. Sekzrková M. Praha, 2006. (In Czech.).
14. Gacek M. Sibírské zápisky 1915–1920 [Sibir Minutes 1915–1920]. Bratislava, 1936. (In Slovak).
15. Kautský E. K. Kauza Štefánik: legendy, fakty a otázky okolo vzniku Česko-Slovenskej republiky [Štefánik's case: legends, facts and questions about the rise of the Czechoslovak Republic]. Martin, 2004. (In Slovak).
16. Kováč D. Milan Rastislav Štefánik. Budmerice, 1997. (In Slovak).
17. Vácha D. Teplušky a ešelony československých legionáři na cestě napříč Ruskem [Teplušky and eels of Czechoslovak legionaries on their way across Russia]. *Soudobé dějiny* = Contemporary History, 2008. Č. 3–4. (In Czech.).
18. Vrábel F. Milan Rastislav Štefánik a hlasistické hnutie [Milan Rastislav Štefánik and the voting movement]. *Slovanský přehled* = Slavic overview, 2012, no. 1–2, pp. 42–47. (In Slovak).

Submitted 26.09.2017; revised 26.10.2017



Elena P. Serapionova, Dr. Sci (History), Associate Professor, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moskow, serapionova@mail.ru